

«Каспий» (Бюж) 1889, 21 марта, № 63

с. 2-3, 1260 л.

ФЕЛЬЕТОНЪ.

Журнальные замѣтки.

«СѢВЕРНЫЙ ВѢСТНИКЪ». Мартъ.
(Драмъ „Потомки“, А. Чехова, — „Ковидителъ“ — романъ А. Михайлова, — „Писма о Гурлинъ“ П. Д. — Жили Дж. Стюарта Мила, Э. В.)

Рѣдко приходится встрѣчать, даже въ нашей современной, небогатой крупными талантами литературѣ, такое дѣланное, отъ начала до конца дышащее искусственностью произведение, какъ драму Чех. «Ивановъ».

Во всей драмѣ нѣтъ ни одного лица, отъ котораго бы вѣло хоть сколько-нибудь жизнью и уже драмы-то въ ней разны никакой нѣтъ.

Богатый помѣщикъ Ивановъ женится на еврейкѣ Саррѣ Абрамовѣ, тоже очень богатой. Ивановъ любить очень Сарру, а та безъ души отъ Иванова. Любовь эта заканчивается замкавказѣйшимъ бракомъ, причѣмъ Сарра превращается въ Анну Петровну. Родные совершенно отказываются отъ нея и не даютъ за нея ни гроша приданаго. Такъ какъ Ивановъ не сребролюбѣцъ и женился на своей женѣ не по расчету (денегъ у него и своихъ совершенно достаточно), то это обстоятельство никакого дѣйствія на него не оказываетъ — и бракъ вышелъ на славу. Но прожили они нѣсколько лѣтъ и Ивановъ разлюбилъ жену, а жена между тѣмъ продолжаетъ любить его по-прежнему. Казалось бы, что изъ такого положенія могутъ быть разные выходы. Можно оковчательно порвать всѣ связи съ женою и уйти отъ нея; можно изъ боязни общественнаго мнѣнія, не доводя дѣло до «скандала», порвать только внутреннюю семейную связь и, наконецъ, можно обманывать жену, поддерживая въ ней увѣренность въ существованіи прежнихъ чувствъ. Последний выходъ для Иванова былъ самый вѣроятный, ибо онъ изображенъ очень благороднымъ человѣкомъ, да и жена его больна чахоткою, такъ что комедію играть передъ нею пришлось бы недолго. Такой выходъ былъ тѣмъ

болѣе неизбеженъ, что у всякаго мало-мальски порядочнаго человѣка половыми симпатіями и антипатіями скопляются передъ постелью смертельно больного и близкаго человѣка и замѣняются жалостью и состраданіемъ.

Но подобный выходъ разстроилъ бы планы автора пьесы и потому онъ представляетъ своего героя продолжать слѣдующія несообразности. Ивановъ систематически мучитъ свою больную жену. Каждый день оставляетъ ее одну, а самъ отправляется къ Лебедевымъ, у которыхъ дочь Саша неравнодушна къ Иванову. Самъ онъ къ этой Сашѣ никакихъ почти чувствъ не питаетъ, и потому поведеніе его, не имѣя за собою сильнаго, непреодолимаго личнаго чувства, является какою-то безцѣльною, безпричинною и совершенно непонятною жестокостью по отношенію къ женѣ. Во всякомъ постороннемъ человѣкѣ оно должно бы было вызвать отвращеніе и презрѣніе къ Иванову, какъ къ человѣку страшно жестокому и даже просто подлому. Дѣйствительно, одно изъ дѣйствующихъ лицъ въ драмѣ, земскій врачъ Львовъ, посвященный въ подробности этой семейной исторіи, называетъ его въ глаза подлецомъ и жестокимъ негодяемъ, но авторъ пьесы, очевидно, не согласенъ съ подобнымъ мнѣніемъ, ибо выставляетъ доктора холоднымъ и ограниченнымъ резонеромъ, а къ Иванову старается поддержать въ читателѣ расположеніе длинными монологами, въ которыхъ Ивановъ занимается самобичеваніемъ, что не мѣшаетъ однако ему немедленно же приниматься опять за прежнее, т. е. за травлю своей умирающей жены.

Если мы встрѣтимъ умирающаго человѣка и около него другаго, который сознательно и даже обдуманно стремится отравить послѣднія минуты умирающему, то мы ничего кромѣ отвращенія къ такому человѣку не почувствуемъ. Если же умирающій извѣстенъ намъ притомъ какими-нибудь особенными достоинствами, на-

примѣръ, замѣчательнымъ благородствомъ, безкорыстіемъ, нѣжностью именно къ терзающему его человѣку, а этого послѣдняго мы знаемъ за человѣка образованнаго, развитого и настолько нормальнаго, что онъ способенъ въ данную же минуту пуститься въ длинныя и логически правильныя оправдательныя разсужденія, то варварская сцена эта способна вызвать въ насъ бурю негодованія. Выслушивать оправдательныя монологи на тему о томъ, что палачъ находится въ психопатическомъ состояніи, ни одинъ человѣкъ не станетъ, а постарается возможно скорѣе вырвать жертву изъ рукъ палача или же, если это невозможно, то выместить на немъ свое негодованіе. Даже самый сдержанный человѣкъ способенъ дойти въ подобныхъ случаяхъ до кулачной расправы.

Всѣ предположенныя только что обстоятельства мы имѣемъ въ драмѣ г. Чехова — и что же бы вы думали? Возмущающагося человѣка авторъ изображаетъ холоднымъ резонеромъ, а въ уста Иванову вкладываетъ слѣдующія, напирѣтъ, трогательныя рѣчи, обращенныя къ пробирающему его врачу:

«Вы, милый другъ, кончили курсъ только въ прошломъ году, еще молоды и бодры, а мнѣ тридцать лѣтъ. Я имѣю право вамъ совѣтовать. Не женитесь вы ни на еврейкахъ, ни на психопаткахъ, ни на синихъ чулкахъ, а выбирайте себѣ что-нибудь заурядное, еврейское, безъ яркихъ красокъ, безъ лишнихъ звуковъ. Вообще всю жизнь стройте по шаблону. Чѣмъ сѣрѣе и монотоннѣе фонъ, тѣмъ лучше. Годубчикъ, не воруйте вы въ одиночку съ тысячами, не сражайтесь съ нелюдьми, не бойтесь лбомъ о стѣны... Да хранитъ васъ Богъ отъ всевозможныхъ рациональных хозяйствъ, необыкновенныхъ школъ, горячихъ рѣчекъ... Запритесь себѣ въ свою раковину и дѣлайте свое маленькое, Богомъ данное дѣло. Это теплѣе, честнѣе и здоровѣе. А жизнь, которую я пережилъ, какъ она утонительна! Ахъ,

как утомительна!... Сколько ошибок, несправедливостей, сколько недоброго!

Оставляя в стороне оригинальность подобного призыва к золотой середине, ко всему сбалансированному и умеренному, всякий всевольно спросит себя: в чем же состояла эта «пережитая жизнь», это «война с тысячами» и битвы с миллинами. Да, единственно, в женитьбе на еврейке, да еще, пожалуй, в безалаберности и совести не «рациональности» хозяйстве. Может быть, для г. Чехова, как известно, долго арестованного в «Новом Времени», женитьба на еврейке и представляется таким великим подвигом, который может быть оправдан самыми ужасными преступлениями. Но с точки зрения поэта оставшихся людей той среды, к которой принадлежал герой драмы Иванов, женитьба на еврейке, да еще на такой, какою была в данном случае Анна Петровна, т. е. обыкновенной, образованной и очень милой во всех отношениях женщиной, не представляло ровно ничего драматического и потому всё окружающее объясняет себе семейную неурядицу в доме Ивановых теми обстоятельствами, что Иванов не получил за женой приданного. Единственное обстоятельство, которое могло бы сдвигать положение Иванова хоть сколько-нибудь драматическим, вследствие женитьбы на еврейке — это неприятие его женой из среды того общества, в котором он жил и вращался. В данном случае обстоятельство это вполне отсутствует — жена Иванова такой же член общества, как и сам Иванов, а вместе с этим уничтожается какая бы то ни было связь между драматическим положением героя и еврейством его жены. Получается в результате обыкновенная житейская история, из которой муж разлюбил жену, а жена его еще любит. Тама эта, несмотря на свою ординарность, дава бы все-таки материал для драмы, хотя и не такой раздражительной, какая вышла у Чехова. Но Чехову совести не это

было нужно, а что ему было нужно в это сейчас постараться выяснить.

Уже несколько десятков лет в нашем обществе существует течение, сущность которого сводится к тому, чтобы вырваться из тех закорумленных рамок на жизнь, которые достались нам как предание старинной глубокой. Всприятие эти состояли, главным образом, в проповеди следовать всегда и во всем по раз проторенной дорожке, причины причин не доискиваться, на еврейках и прочих инверсах не жениться, к великим делам не стремиться и т. д. Сиди себе спокойно, смирненько, да и делай то, что тебе делать от роду написано. «Тот лишь в жизни сей блажен, кто нарин доволь». Пользуются всё вокруг тебя безгрешными доходами, и ты пользуйся; дуешь бесприсмысленно синуху или ковыль, и ты дуешь — не сопротивляйся, обука плетью не перешибешь и голой стьны не разобьешь.

Но доводы эти, не смотря на всю их убедительность мало на кого действовали и все бодрое и молодое рвалось из облака из той покрытой алесянкой тьмы, которая его окружала. Одики при этом действительное, если хотело, билась головой об стьну, предпочитала лучше разбить себе голову, чем быть бессмысленным свидетелем совершенных на их глазах несправедливостей, но таких было, собственно говоря, сравнительно мало; большинство же сохраняло изрядную долю благоразумия, во все-таки со старыми формулами жизни и с бабушкиными заветами не кирилось. Старалось, по мере сил и возможности, построить свою жизнь на новых началах добра и справедливости. В «жиды» перестали видеть представителя иуды, а вспомнили и то, что кроме иуды они дали нам много пророков и апостолов; на лица перестали смотреть, как на злобных, а за спиной этого злобного увидели Шиллера и Гете, Бетховена и Моцарта, Мейера и Гельмгольца. Прежде, величественные фигуры эти бы-

ли скрыты во тьмѣ нашего собственного невѣжества. Французъ пересталъ быть потребителемъ лагушекъ, а англичанинъ изъ «чудака» превратился въ пернокласснаго представителя культуры и науки. Общественный пирогъ пересталъ быть исключительно предметомъ потребления, а ждали принять хоть нѣкоторое участіе и въ его созиданіи. Занялись «раціональнымъ хозяйствомъ», «необыкновенными школами», стали служить общественному дѣлу, а не исключительно собственному карману, вспомнили, что языкъ не только для омовенія костей ближнихъ предназначень, а можетъ произносить и «горячія рѣчи». Вспомнили и еще кое о чемъ другомъ и не только что вспомнили, но и жизни свою стремились иначе построить.

Но развитіе общества не представляеть къ несчастію той непрерывной цѣпи прогресса, которая было-бы желательна. За періодами возбужденія и энтермі наступаютъ періоды упадка и запусковъ. Достаточно вспомнить тотъ контрастъ, который представляли собою вторая половина прошлаго и первая половина настоящаго вѣка, чтобы убѣдиться въ томъ, что въ развитіи общества нѣтъ непрерывности. Эпоха безпримѣрнаго въ исторіи общественнаго движенія, сѣмилась такою страшною реакціей, которая могла найти себѣ нечто подобное развѣ что въ мрачную эпоху среднихъ вѣковъ. У насъ, въ современномъ намъ русскомъ обществѣ контрасты не могутъ быть такими сильными, такъ какъ и само общественное движеніе нѣкогда гораздо болѣе скромные размѣры: но контрасты все таки были и за періодомъ возбужденія насталъ періодъ упадка и реакціи, нашедшій и въ литературѣ своихъ представителей. Однимъ изъ такихъ апостоловъ упадка является и г. Чеховъ со своею драмою «Ивановъ». Чеховъ намѣревался очевидно показать въ своей драмѣ, до какихъ психопатическихъ состояній можетъ дойти средній человѣкъ, когда овъ беретъ за не посильныя задачи, а подѣ непосильными задачами

тутъ подразумеваются всѣ безъ исключенія отступленія отъ той золотой середины и того совершенно уже безцѣльнаго и растительнаго существованія, которое завѣщено намъ нашими предками вѣрнопостнаго періода. Даже «горячія рѣчи» есть уже непосильная задача, такъ какъ это уже отступленіе отъ отцовскихъ завѣтовъ, согласно которымъ нужно было «больше слушать, да поменьше говорить». Встрѣтите вы и полюбите еврейку, иѣмку или армянку, то тоже бѣгите отъ нея за тридевять земель, ибо это опять отступленіе отъ тѣхъ же завѣтовъ. «Раціональности» въ хозяйствѣ, если вы сельскій хозяинъ, тоже берегитесь; новыхъ школъ не заводите, общественному дѣлу не служите и т. д., и т. д. Все это непосильныя задачи и за все это вы заплатите жестокою психопатіей.

Можетъ ли быть чтонибудь болѣе мизерное и жалкое. И подобныя вещи печатаются на страницахъ «Сѣв. Вѣст.» рядомъ съ романами Михайлова «Побѣдители» и съ массою другихъ статей съ совершенно противоположною тенденціей. И хоть бы драма Чехова обладала какими нибудь художественными достоинствами, такъ и этого нѣтъ. Въ общемъ она производитъ впечатлѣніе чего то страшно искусственнаго и дѣланнаго. Представьте себѣ, что вы встрѣтили человека, который несетъ легкую, дамскую бомбоньерку и все время кричитъ, что овъ окончательно изнемогъ подѣ бременемъ тяжелой ноши. Можете ли вы сочувствовать совершенно искусственнымъ страданіямъ этого человека и находить его положеніе драматическимъ? Такое же приблизительное впечатлѣніе получается и отъ драматическихъ выкрикиваній г. Чехова и его героя.

Въ заключеніе извинимся передъ читателемъ за то, что слишкомъ много говорили о такомъ неинтересномъ произведеніи, какъ драма «Ивановъ», но у насъ были на это свои причины. Чеховъ принадлежитъ въ той довольно значительной группѣ писателей, кото-

рая является проповѣдницею новыхъ началъ и, между прочимъ, объявляетъ себя врагомъ тенденціозности въ изящной литературѣ. Но если кто и отдался тенденціозностью, такъ это именно эти господа и въ томъ числѣ г. Чеховъ. Только тенденціозность у нихъ въ очень скверную сторону направлена. Это еще разъ подтверждаетъ старую мысль о томъ, что въ каждомъ, даже и чисто художественномъ произведеніи тенденція всегда есть. Вся разница получается въ томъ, что въ одномъ произведеніи тенденціозность плохая, въ другомъ хорошая; въ одномъ она сквозитъ на каждомъ шагѣ и весь персонажъ, что называется, за волосы притягивается и бѣлыми нитками пришивается къ тенденціозной канвѣ романа, какъ это и есть въ данномъ случаѣ, у Чехова, — или же, въ другомъ случаѣ, тенденція тщательно скрыта, никакой дѣланности въ романѣ нѣтъ и каждый поступокъ дѣйствующихъ лицъ есть необходимый результатъ взаимодействія двухъ факторовъ: характера даннаго лица и вызывающихъ этотъ поступокъ обстоятельствъ, какъ это и бываетъ обыкновенно въ жизни, и чего въ драмѣ Чехова то и нѣтъ. У него герой продѣлываетъ всякіе нелѣпости не по неизбѣжной необходимости, въ силу вліянія двухъ указанныхъ только что нами факторовъ, а только въ угоду той тенденціи, которая заложена авторомъ въ основаніе своей драмы и сквозитъ въ ней на каждомъ шагѣ.

Недостатокъ мѣста не позволяетъ поговорить намъ о другихъ статьяхъ настоящей книжки «Сѣв. Вѣстника». Мы обращаемъ во всякомъ случаѣ вниманіе читателя на продолжавшійся романъ Михайлова «Побѣдители», на статью Н. Д. «Письма о Грузіи», о началѣ которыхъ мы говорили въ своихъ прошлыхъ замѣткахъ, и на статью «Жизнь Д. Стюарта Милля», о которой мы поговоримъ подробнѣе въ слѣдующій разъ, когда, надѣмся, статья эта будетъ окончена.